

РАЗНЫЕ ГОРОДА.
РАЗНЫЕ МУЖЧИНЫ.
ОДНА ЖЕНЩИНА.
БЕСКОНЕЧНО
НАСТОЯЩАЯ.

*Иногда
достаточно
двух дней,
чтобы изменить
всю жизнь...*

Мужчина на два дня

Мунира Вагина

БОЛЬШЕ
ЧЕМ
ПУТЕШЕСТВИЕ

18+

Париж
Рим
Стамбул
Барселона
Лондон
Нью-Йорк...

Мунира Вагина

Мужчина на два дня

«Автор»

2026

Вагина М.

Мужчина на два дня / М. Вагина — «Автор», 2026

Муза Любавина — журналистка, которая умеет наблюдать, но разучилась чувствовать. После разговора с редактором, она придумывает дерзкий эксперимент. Один город. Один мужчина. Ровно сорок восемь часов. Никаких обещаний, никаких продолжений, никаких возвращений. В каждом городе — новая встреча и новая глава будущей книги. Архитектор, философ, музыкант, юрист, фотограф. Каждый — целая история. Каждый — урок. Каждый — мужчина, который рискует остаться лишь персонажем. Но правила, придуманные от страха, однажды перестают работать. Потому что невозможно измерить близость календарём. И когда в её жизнь входит тот, кто не пытается её удержать, Муза впервые понимает: уехать вовремя легко. Труднее — понять, когда надо остаться. «Мужчина на два дня» — роман о свободе, которая оказалась клеткой, страхе близости и цене честности. Иногда любовная история действительно заканчивается через два дня. А иногда всё интересное начинается на третий.

© Вагина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сорок восемь часов	5
Глава 2. Нижний Новгород. Алексей Морозов	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Мунира Вагина

Мужчина на два дня

Глава 1. Сорок восемь часов

Муза Любавина сразу поняла: хвалить не будут. За окном редакционного кабинета Москва стояла в июньской дымке — тёплая, пыльная, торопливая. По стеклу скользили отражения машин, где-то далеко звенел трамвай, а на подоконнике у Сергея Павловича медленно погибал кактус, переживший, по его словам, трёх секретарей, два переезда и один развод.

— Ну? — спросила Муза.

Она сидела напротив, закинув ногу на ногу, и смотрела не на редактора, а на свою рукопись. Двести семьдесят страниц, четыре месяца работы, три бессонные недели перед сдачей. На первой странице лежал жёлтый стикер с его почерком: «Поговорить». Сергей Павлович снял очки.

— Ты умеешь писать.

— Уже неплохо.

— Не торопись радоваться.

— Я и не собиралась.

Он улыбнулся. Они знали друг друга почти семь лет, и Муза давно научилась различать все оттенки этой улыбки. Сейчас была та, которую он использовал перед неприятной правдой.

— Ты прекрасно наблюдаешь людей, — сказал он. — Видишь жест, интонацию, ложь, желание, страх. Замечаешь, кто первым отводит глаза и кто делает вид, что ему всё равно.

— Звучит как комплимент.

— Был бы комплимент, если бы ты не стояла всё время в стороне.

Муза подняла взгляд.

— В смысле?

Сергей Павлович постучал пальцем по рукописи.

— Ты пишешь так, будто всегда стоишь за стеклом.

Она ничего не ответила.

— Вот женщина изменяет мужу, — продолжил он. — Ты точно описываешь, как она поправляет платье перед встречей с любовником. Вот мужчина понимает, что его бросают, и ты замечаешь, как он пять раз переставляет чашку. Всё правильно. Всё красиво. Всё умно. Но я не чувствую, что ты сама когда-нибудь сидела за этим столом.

— Мне обязательно изменять мужу, чтобы написать об измене?

— Не передёргивай.

— А что ты предлагаешь? Для следующего романа кого-нибудь убить?

Он снова надел очки.

— Я предлагаю тебе перестать быть журналисткой внутри собственной прозы.

— Я писатель и журналист. Поздно выбирать.

— Именно поэтому ты всё объясняешь. Ты наблюдаешь, классифицируешь, делаешь вывод. Но в какой-то момент читателю хочется, чтобы автор сам оказался в комнате, где ему нечем защищаться.

Муза усмехнулась.

— Очень литературно.

— Зато ты поняла.

Она поняла. И именно поэтому разозлилась. Сергей Павлович откинулся на спинку кресла.

— Я не говорю, что рукопись плохая.

— Просто недостаточно живая.

— Да.

— Недостаточно прожитая.

— Да.

Муза взяла со стола рукопись и прижала к груди.

— Прекрасно. Значит, мне надо больше страдать.

— Нет. Тебе надо больше жить.

Она встала.

— Это ещё хуже.

В коридоре редакции пахло кофе, бумагой и кондиционером. Девушка из отдела рекламы махнула ей рукой, кто-то позвал Сергея Павловича, в переговорной спорили о сроках обложки. Мир продолжал работать, будто только что никто не сообщил Музе, что четырёх месяцев её жизни недостаточно, потому что в них было слишком мало её самой. На улице она остановилась у стеклянной двери и увидела своё отражение. Двадцать девять лет. Светлые волосы собраны небрежно, лицо без сложного макияжа, тёмные очки на голове, белая рубашка, джинсы, тонкая цепочка на шее. Женщина, которая умеет выглядеть так, словно у неё всё под контролем.

Муза надела очки и пошла вниз по улице. Она не считала себя холодной. Холодные люди не влюбляются. А она влюблялась. Дважды — по-настоящему. Ещё несколько раз ей так казалось. Последним был Виктор. Телефон завибрировал в сумке, словно услышав его имя в её мыслях. «Ты сегодня сможешь? Я буду возле Патриков после шести». Муза посмотрела на сообщение и почти рассмеялась. Полгода после расставания Виктор всегда появлялся в те дни, когда её жизнь и без него начинала казаться слишком хорошо организованной. Она написала: «В семь. На час». Ответ пришёл сразу: «Хорошо». Никакого смайлика. Никакого «рад». Никакой попытки продолжить разговор.

Это было очень по-викторовски. И именно поэтому когда-то ей казалось, что с ним можно прожить всю жизнь. К семи Москва стала мягче. Жара отступила, на Патриарших зажглись летние веранды, люди сидели близко друг к другу, смеялись, фотографировали еду и делали вид, что никуда не спешат. Виктор ждал за столиком у окна. Он почти не изменился. Тридцать четыре, коротко подстриженные тёмные волосы, дорогие часы, спокойное лицо человека, который привык решать вопросы до того, как они становятся проблемами. Когда-то именно эта надёжность казалась Музе редкой мужской роскошью. Он встал.

— Привет.

— Привет.

Они поцеловались в щёку, как люди, которые слишком хорошо знают вкус друг друга и теперь старательно изображают знакомых.

— Ты похудела, — сказал Виктор.

— Нет.

— Значит, я забыл.

— Уже приятнее.

Он улыбнулся. Официант принёс меню. Муза заказала минеральную воду и салат. Виктор — стейк и бокал красного. Несколько минут говорили о нейтральном. Его проект. Её рукопись. Общие знакомые. Квартира, из которой он так и не переехал. Потом Виктор положил вилку.

— Я не ради этого тебя позвал.

— Я догадалась.

— Я много думал.

— Это опасно.

— Муза.

Она замолчала. Он смотрел прямо, без театральности. За это она его и уважала. Виктор никогда не устраивал сцен. Даже когда она вернула кольцо, он только спросил: «Ты уверена?» И после её «да» не пытался унижить ни её, ни себя.

— Я думаю, мы поспешили, — сказал он.

— С расставанием?

— С окончательностью.

Муза отвела взгляд к окну. На тротуаре девушка держала мужчину за руку двумя ладонями и что-то быстро ему рассказывала. Мужчина смеялся. Обычная сцена. Тёплая. Почти счастливая.

— Виктор...

— Я не предлагаю завтра идти в загс.

— Уже прогресс.

— Я предлагаю начать сначала. Без давления. Без даты свадьбы. Без разговоров о детях на третьей встрече.

— Мы уже знаем друг друга семь лет.

— Тем более можем позволить себе не притворяться незнакомыми.

Она молчала. Виктор отпил вина.

— Ты ведь не ушла потому, что разлюбила меня.

Это был не вопрос. Муза медленно провела пальцем по холодному стеклу своего стакана.

— Любовь не всегда достаточная причина остаться.

— Зато страх — странная причина уйти.

Она подняла глаза.

— Какой страх?

— Ты скажи.

— Нет, Виктор. Если у тебя есть диагноз, формулируй сам.

Он вздохнул.

— Я не ставлю тебе диагноз. Я просто помню вечер, когда сделал предложение.

Муза тоже помнила. Ресторан за городом. Терраса. Тёплый сентябрь. Кольцо в маленькой серой коробочке. Виктор, который не вставал на колено — и правильно, потому что она бы не пережила эту театральность. Он просто сказал: «Я хочу, чтобы мы перестали всё время расходиться по домам». И в первую секунду она была счастлива. Почти до боли. А потом увидела всё сразу.

Их общую квартиру. Один и тот же холодильник. Его рубашки рядом с её платьями. Завтраки. Родителей по праздникам. Ипотеку или дом. Друзей семейными парами. Споры о ремонте. Ребёнка, которого надо планировать. Отпуск, который надо согласовывать. Людей, которые однажды перестают спрашивать «увидимся завтра?» потому, что завтра уже предполагается автоматически. В этой картине не было ничего страшного. И именно это испугало сильнее всего.

— Я не хочу возвращаться к тому разговору, — сказала Муза.

— А я хочу.

— Зачем?

— Потому что полгода пытаюсь понять, что именно тогда произошло.

— Я сказала тебе.

— Ты сказала, что боишься потерять себя.

— Так и было.

— Со мной?

— Не с тобой. Внутри этой жизни.

— Какой «этой»?

Он не повышал голос, но Муза почувствовала знакомое раздражение. Виктор всегда хотел конкретики. Его бесило то, что нельзя измерить, назвать или исправить.

— Предсказуемой.

— То есть хорошей?

— Предсказуемой.

— Надёжной?

— Виктор.

— Где мужчина тебя любит, не изменяет, не исчезает, не врёт и хочет на тебе жениться?

Она усмехнулась.

— Ты сейчас рекламный буклет читаешь?

— Я пытаюсь понять, почему это стало для тебя ловушкой.

Муза посмотрела на него.

— Потому что однажды я бы проснулась и поняла, что вся моя жизнь уже написана.

— Кем?

— Нами. Обстоятельствами. Привычками.

— А что плохого в привычках?

— Ничего.

— Тогда в чём проблема?

Она не ответила. Вот в этом и была проблема. Виктор всегда задавал последний вопрос. Тот, после которого красивое объяснение рассыпалось.

— Давай попробуем иначе, — сказал он. — Не навсегда. Не по плану. Просто поужинаем ещё раз. Потом ещё. Посмотрим, что получится.

Муза улыбнулась почти нежно.

— Ты даже спонтанность предлагаешь поэтапно.

Он тоже улыбнулся.

— А ты даже отказ умеешь превращать в шутку.

Они помолчали.

— Я не хочу, — сказала Муза.

Виктор кивнул. Не сразу, но кивнул.

— Хорошо.

Она почувствовала облегчение и одновременно то неприятное движение внутри, которое всегда приходило после удачного побега.

— Ты злишься?

— Нет.

— Врёшь.

— Немного.

— Это честнее.

Он посмотрел на неё долго, словно запоминал.

— Знаешь, что самое обидное?

Муза ждала.

— Я уверен, что если бы я тебе изменил или исчез на месяц, тебе было бы проще.

Она нахмурилась.

— Что за глупость?

— Тогда у тебя была бы причина уйти.

— У меня и так была причина.

— Нет. У тебя было желание уйти. Это не одно и то же.

Муза отодвинула стакан.

— Мне пора.

— Конечно.

Он не попытался её удержать. На улице она почувствовала, что сердится. На Виктора. На Сергея Павловича. На весь этот день, в котором мужчины зачем-то решили объяснять ей её собственную жизнь. Она шла без цели, пока не оказалась у метро. Спускаться не хотелось. Вечер был тёплым, Москва шумела, открытые окна машин выпускали музыку, у перехода кто-то играл на саксофоне. Муза достала телефон и открыла заметки. Пальцы несколько секунд висели над экраном. «Предсказуемость не равна счастью», — написала она. Посмотрела. Стерла. «Люди любят называть страхом чужое желание уйти». Тоже стерла. Она убрала телефон. Слова сегодня раздражали. Дома было тихо.

Муза жила одна в квартире на Чистых прудах — не слишком большой, но светлой, со старым паркетом, высокими окнами и книжными полками, для которых уже давно не хватало стен. Она включила только настольную лампу, сбросила туфли в прихожей и прошла на кухню. На столе лежала рукопись. Она принесла её из редакции и теперь смотрела на толстую пачку страниц с тем чувством, с каким иногда рассматривают бывшего любовника: всё ещё знаешь каждую подробность, но уже не уверен, зачем столько времени отдавал именно этому. Муза налила вина. Села. Открыла первую страницу. Прочитала несколько абзацев. Закрыла. «Ты пишешь так, будто всегда стоишь за стеклом».

Она встала и подошла к окну. В соседнем доме мужчина вышел на балкон в одних шортах, закурил. На кухне этажом ниже женщина что-то резко говорила в телефон. В окне напротив подросток сидел за компьютером. Чужие жизни всегда было легко наблюдать. Она умела превращать их в текст. Собственную — в систему объяснений. Муза вернулась к столу. Открыла ноутбук. Создала новый документ. Несколько секунд смотрела на пустой экран. Потом написала: «Мужчина на два дня». Фраза выглядела как название дешёвой колонки в женском журнале. Муза усмехнулась. Но не стерла. Ниже напечатала: «Эксперимент».

И только после этого задумалась, что именно собирается экспериментировать. Идея возникла почти мгновенно — слишком дерзкая, чтобы сразу отвергнуть, и слишком нелепая, чтобы не заинтересовать. Путешествие. Города. Поезда. Незнакомые мужчины. Короткие истории. Не интервью. Не наблюдение со стороны. Не выдуманные героини. Она сама. Муза почувствовала, как внутри появляется то редкое возбуждение, которое всегда предшествовало хорошей книге. Когда сюжет ещё не существует, но уже обещает неприятности. Она начала печатать. «Ехать по городам. В каждом — максимум двое суток». Остановилась. Почему двое?

Один день — случайность. Три — уже почти начало привычки. Два дня позволяли познаться, захотеть, приблизиться, провести ночь, увидеть человека утром и всё ещё успеть исчезнуть до того, как жизнь начнёт обрастать подробностями. Муза отпила вина. Написала: «Если возникает взаимное желание — не отказываться от него только потому, что “так не принято”». Она перечитала. Слишком манифестно. Стерла. Сформулировала проще: «Если в первый вечер возникает взаимная симпатия и желание — позволить истории случиться». Вот так лучше. Она откинулась на спинку стула. Сердце билось чуть быстрее. Это было безрассудно. Именно поэтому нравилось.

За окном прошла машина, свет фар скользнул по потолку. Муза снова придвинулась к ноутбуку. Правила появились одно за другим. Первое: один город — один мужчина. Она сразу почувствовала в этой фразе ритм. Второе: не больше сорока восьми часов. Третье: никаких обещаний продолжения. Здесь Муза задержалась. Обещания всегда всё портили. Даже невинное «созвонимся» создавало долг. Человек начинал ждать сообщения, звонка, объяснения. Ей хотелось абсолютной ясности. Четвёртое: не сообщать следующий город. Она усмехнулась. Виктор назвал бы это паранойей. Но если кто-то решит продолжить игру без её согласия, это уже будет не её игра.

Пятое: никого не брать с собой. Очевидно. Шестое она долго не могла сформулировать. Пальцы постукивали по клавишам. «Не повторять». Нет. «Не встречаться дважды». Тоже нет. И вдруг пришла точная фраза: «Никогда не возвращаться к уже законченному роману».

Муза прочитала все шесть пунктов. Они выглядели почти профессионально. Как инструкция. Как контракт с самой собой. И от этого стало спокойно. Она открыла сайт железнодорожных билетов. Первым городом выбрала Нижний Новгород. Не слишком далеко. Достаточно большой, чтобы раствориться. Достаточно красивый, чтобы даже провал эксперимента можно было выдать себе за путешествие.

Поезд уходил в пятницу утром. Муза купила билет. Потом — следующий. Казань. Ещё один. Самара. После третьего остановилась. Слишком похоже на реальность. Она встала, прошлась по комнате.

— Ты сошла с ума, — сказала вслух.

Комната не возразила. Муза вернулась к столу и открыла новый файл. «Глава первая», — написала она. Стерла. Ещё рано. Вместо этого создала таблицу: город, дата приезда, дата отъезда, гостиница, заметки. Практичность всегда спасала от страха. В половине второго ночи телефон снова завибрировал. Виктор. «Если передумашь — я не исчезну». Муза долго смотрела на сообщение. В нём не было давления. Именно поэтому оно оказалось опаснее, чем если бы Виктор написал десять обвинений. Она ничего не ответила. Открыла ноутбук. Под шестью правилами добавила отдельную строку: «Начало — пятница». Потом закрыла крышку. Спать не хотелось.

Она включила воду в душе и стояла под ней дольше обычного, представляя вокзалы, незнакомые гостиничные номера, новые лица, разговоры, которые будут существовать только два дня. В этом была свобода. Чистая, аккуратная, ограниченная расписанием поездов. Никто не успеет потребовать слишком много. Никто не успеет стать привычкой. Никто не успеет разочаровать настолько, чтобы было больно. И — важнее всего — никто не успеет уйти первым. Эта мысль возникла слишком быстро. Муза выключила воду. Несколько секунд стояла неподвижно. Потом усмехнулась собственному отражению в запотевшем зеркале.

— Чушь.

Она вытерла стекло ладонью. Лицо появилось резко, будто из другого мира. На следующее утро Муза проснулась раньше будильника. Москва была серой после ночного дождя. На кухне пахло кофе. Чемодан стоял раскрытым на кровати. Она складывала вещи без суеты. Джинсы. Платья. Белые рубашки. Нижнее бельё. Косметика. Зарядки. Диктофон. Ноутбук. На секунду задержала в руках тонкое чёрное платье. Купила его ещё при Викторе. Он однажды сказал, что в нём она выглядит опасной. Муза положила платье в чемодан. Потом рассмеялась.

— Исследовательская необходимость.

К одиннадцати она была на вокзале. Люди торопились вдоль платформ, дети тянули родителей к киоскам, кто-то обнимался, кто-то курил, кто-то уже скучал, хотя поезд ещё не тронулся. Муза любила вокзалы. В них всё было честно. Одни приезжают. Другие уезжают. Никто не делает вид, что это одно и то же. Она нашла вагон, показала проводнице паспорт и поднялась внутрь. Место было у окна. Муза убрала чемодан, села и достала ноутбук. Поезд ещё стоял.

За стеклом мужчина лет пятидесяти торопливо говорил женщине что-то важное. Она кивала и улыбалась слишком старательно. Чуть дальше молодая пара целовалась так, будто впереди была не разлука на несколько дней, а война. Муза открыла файл. «Мужчина на два дня». Название всё ещё казалось вызывающим. Теперь — правильно вызывающим. Она ниже написала: «Правило первое. Один город — один мужчина». Потом второе. Третье. Все шесть. Объявили отправление. Двери закрылись. Платформа медленно поплыла назад. Муза почувствовала лёгкость. Настоящую. Не придуманную. Возможно, Сергей Павлович был прав.

Возможно, ей действительно нужно было перестать стоять за стеклом. Она положила ладони на клавиатуру и набрала первую строку будущей книги: «Через два дня любой мужчина снова становится незнакомцем».

Глава 2. Нижний Новгород. Алексей Морозов

Поезд пришёл в Нижний Новгород ближе к вечеру. Муза вышла на платформу одной из первых и сразу почувствовала то, за что любила поездки: город ещё ничего от неё не знал. Здесь никто не ждал привычной версии Музы Любавиной — той, которая всегда отвечает быстро, смеётся вовремя, уходит раньше, чем разговор становится слишком личным. Она была просто женщиной с небольшим чемоданом, ноутбуком и двумя сутками впереди. Воздух пах влажным камнем и рекой. После Москвы всё казалось чуть медленнее, будто город не спешил доказывать ей своё значение.

До гостиницы Муза доехала на такси. Номер оказался именно таким, какие она любила в поездках: светлым, безликим и временным. Здесь ничто не просило остаться. Она поставила чемодан у стены, открыла ноутбук и машинально посмотрела на часы. Почти шесть. Первый вечер. По правилам именно сегодня всё должно было начаться — если вообще начнётся. Муза улыбнулась собственному раздражению.

— Великолепно, — сказала она вслух. — Теперь ещё и знакомство по расписанию.

Она закрыла ноутбук. Платье выбрала простое — тёмно-синее, чуть выше колена. Не вызывающее и не слишком невинное. Волосы оставила распущенными. Макияж почти не меняла. В зеркале ей понравилось главное: она не выглядела женщиной, которая кого-то ищет. Хотя именно этим и собиралась заняться. Кафе она выбрала случайно, по красивому окну и нескольким столикам на улице. Села у окна, заказала кофе и бокал воды. На соседнем столике лежал толстый альбом с фотографиями старых зданий. Муза посмотрела на него, потом на мужчину, сидевшего за столом.

Лет тридцать четыре. Светлая рубашка, закатанные рукава, спокойное лицо. Он что-то рисовал в блокноте, время от времени переводя взгляд на противоположный дом. Не самый эффектный мужчина из тех, кого она встречала. Но в нём было редкое качество — отсутствие суеты. Муза поймала себя на том, что смотрит дольше, чем следовало. Он заметил.

— Вам мешает мой блокнот? — спросил мужчина.

Муза усмехнулась.

— Нет. Мне мешает любопытство.

Он перевёл взгляд на лежащий рядом альбом.

— Тогда хуже.

— Почему?

— Любопытство обычно требует продолжения.

— А вы архитектор?

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Да.

— Видите? Уже окупилось.

Он улыбнулся.

— Алексей.

— Муза.

— Правда?

— К сожалению, да.

— По-моему, удобно.

— Для кого?

— Для архитектора. Можно сразу сказать, что вдохновение само село за соседний столик.

Муза засмеялась. Шутка была простая, но без старания произвести впечатление. И это ей понравилось. Через несколько минут Алексей пересел к ней. Говорили о городе. Не как турист

и местный. Скорее как два человека, которым интереснее не достопримечательность, а то, что она делает с человеком. Алексей рассказывал про дома так, будто у каждого был характер.

— Вот это здание, — сказал он, показывая через окно на старый фасад, — сначала кажется тяжёлым. А потом замечаешь окна второго этажа, и всё меняется.

Муза посмотрела.

— Потому что они слишком лёгкие для такого фасада?

— Именно.

— Значит, архитектура тоже умеет притворяться?

— Конечно. Люди у неё научились.

Она подняла бровь.

— Обычно говорят наоборот.

— Мне так больше нравится.

Муза заметила, что уже полчаса не думает о книге. Это было неожиданно. Потом вспомнила. Правило первое. Один город — один мужчина. Она посмотрела на Алексея чуть внимательнее. Подходил. Эта мысль показалась настолько нелепой, что Муза едва не рассмеялась.

— Вы здесь надолго? — спросил он.

— На два дня.

— Командировка?

— Что-то вроде.

— И потом?

— Дальше.

— Куда?

Муза чуть помедлила. Четвёртое правило. Не сообщать следующий город.

— Пока не решила.

Алексей не стал уточнять. Это тоже понравилось. Они вышли из кафе уже после восьми. Город оказался мягким в вечернем свете. Алексей предложил пройтись, и Муза согласилась. Он не пытался немедленно взять её под руку, не сокращал дистанцию нарочно, не говорил комплиментов каждую пятую минуту. От этого желание приблизиться возникало само. Они дошли до набережной. Муза остановилась у ограждения. Вода внизу казалась тёмной и тяжёлой, город уходил огнями вдаль.

— Красиво, — сказала она.

— Вы сейчас как турист.

— Это плохо?

— Нет. Просто вы до этого смотрели на всё как журналист.

Муза повернулась.

— Откуда вы знаете, что я журналист?

— Вы задаёте вопросы так, будто ответ потом пригодится.

Она рассмеялась.

— А вы наблюдательный.

— Работа такая.

— Архитектор должен угадывать профессию женщин?

— Только тех, которые смотрят на людей внимательнее, чем на здания.

Муза ничего не ответила. Сергей Павлович сказал почти то же самое. Только грубее. Она почувствовала лёгкое раздражение. Алексей, кажется, заметил перемену.

— Неудачная фраза?

— Просто слишком точная.

— Тогда забудем.

И действительно забыл. Не стал развивать тему, не начал анализировать её характер, не попытался сделать из случайной реплики дверь в душу. К десяти они сидели в небольшом

ресторане. Вино было сухим, музыка тихой, разговор — лёгким. Алексей оказался разведён два года назад. Без трагедии.

— Мы оба долго пытались сохранить то, чего уже не было, — сказал он. — Потом наконец перестали считать расставание поражением.

— И получилось?

— Не сразу.

— А сейчас?

— Сейчас мы иногда поздравляем друг друга с праздниками.

— Высшая степень цивилизации.

— Именно.

Муза улыбнулась. Ей понравилось, что он не говорил плохо о бывшей жене. Это всегда казалось ей хорошим признаком. К полуночи она уже знала, что поедет с ним. Не потому, что эксперимент требовал результата. Именно это ей было важно понять. Она хотела. В этом желании не было вызова, доказательства или игры. Просто мужчина напротив ей нравился. На улице Алексей спросил:

— Вас проводить до гостиницы?

Муза посмотрела на него.

— Можно.

Он не изменился в лице. Не улыбнулся слишком довольным. Не ускорил шаг. Но когда они остановились у входа, пауза между ними стала плотнее.

— Спасибо за вечер, — сказал Алексей.

— И всё?

Он посмотрел на неё внимательно.

— А что должно быть ещё?

Муза почувствовала, как внутри поднимается азарт. Впервые за долгое время ей понравилось, что решение не сделали за неё. Она чуть приблизилась.

— Например, вопрос.

— Какой?

— Подниметесь?

Алексей улыбнулся.

— Поднимусь.

В номере было темно, только городское освещение пробивалось через шторы. Муза не включила верхний свет. Ей не хотелось превращать близость в сцену. Она хотела просто прожить её. Поцелуй получился не быстрым. Алексей не торопился, и от этого всё становилось сильнее. Муза привыкла, что мужчина, почувствовав согласие, начинает спешить, словно боится, что женщина передумает. Алексей, наоборот, будто давал ей возможность передумать в любую секунду. И именно поэтому ей не хотелось. Она положила ладони ему на плечи.

— Вы всегда такой спокойный?

— Нет.

— Хорошо.

— Почему?

— Иначе было бы скучно.

Он засмеялся почти беззвучно. Позже Муза лежала у окна, завернувшись в простыню, и смотрела на ночной город. Алексей принёс воду.

— Вы всегда после близости смотрите в окно? — спросил он.

— Только если есть окно.

— Логично.

Она взяла стакан.

— Вы не спрашиваете, почему я здесь одна.

- А должен?
- Обычно спрашивают.
- Если захотите, расскажете.

Муза посмотрела на него. Опасная нормальность. Вот что это было. Не страсть, от которой теряют голову. Не загадка. Не риск. Просто мужчина, рядом с которым не надо защищаться каждую минуту. И почему-то именно это пугало сильнее. Утром Алексей проснулся раньше. Муза услышала, как он тихо оделся, и открыла глаза.

- Уходите?
 - За кофе.
 - Это слишком серьёзно.
- Он улыбнулся.
- Кофе?
 - Утренний кофе после первой ночи.
 - Тогда могу принести чай.

Муза рассмеялась.

- Несите кофе.

Он вернулся через двадцать минут с двумя стаканами и бумажным пакетом с горячими круассанами. Они завтракали у окна. Без неловкости. Без обязательного разговора о том, что произошло. Муза заметила, что именно это расслабляет.

- Какие планы? — спросил Алексей.
- Никаких.
- Тогда покажу вам город.
- У вас нет работы?
- Есть.
- И?
- Иногда архитекторы тоже прогуливают.
- Опасный человек.
- Вы ещё не всё знаете.

Муза посмотрела на часы. Оставалось чуть больше суток. И вдруг это показалось слишком мало. Они гуляли почти весь день. Алексей показывал ей не открытки, а любимые места. Двор, где старый дом упирался стеной в новый. Небольшую кофейню, где хозяин знал его по имени. Лестницу с видом на реку. Улицу, на которой дома стояли будто слишком близко друг к другу. Он рассказывал, как город меняет людей. Муза слушала и иногда задавала вопросы. Но записывать ничего не хотелось. В какой-то момент она подумала, что это плохо. Материал ускользает. Потом неожиданно решила, что ничего страшного.

Вечером они сидели на скамейке, и Алексей рассказывал про проект дома, который никак не мог закончить.

- Почему? — спросила Муза.
- Заказчик всё время меняет требования.
- И вы терпите?
- Это работа.
- А если вам не нравится?
- Не всё должно нравиться, чтобы иметь смысл.

Муза повернулась к нему.

- Странный девиз для жизни.
- Я не говорил про жизнь.
- А похоже.

Он улыбнулся.

- А у вас какой?

Она задумалась.

— Не оставаться там, где стало тесно.

— Хороший.

— Вы слишком быстро согласились.

— А надо было спорить?

— Желательно.

— Тогда скажу так: иногда тесно становится не потому, что место плохое. Иногда человек просто боится занять в нём больше пространства.

Муза замерла.

— Вы это сейчас про меня?

Алексей посмотрел на неё.

— Нет.

И после короткой паузы добавил:

— Но если вы слышали про себя, я не виноват.

Муза рассмеялась, хотя внутри стало неудобно. Второй вечер оказался ещё спокойнее первого. Они снова были вместе. Именно это тревожило. В первый день всё можно было объяснить новизной. Во второй появилась привычка. Маленькая. Почти незаметная. Алексей уже знал, что она пьёт кофе без сахара. Муза знала, что он не любит громкую музыку утром. Он автоматически придерживал ей дверь. Она автоматически клала руку ему на предплечье, переходя улицу. Два дня. Всего два дня. Но человеческая близость оказалась быстрой. Гораздо быстрее, чем она рассчитывала. Утром последнего дня Муза проснулась раньше. Поезд уходил в одиннадцать сорок. Алексей спал рядом.

Она долго смотрела на него. Потом тихо встала. В ванной, глядя на себя в зеркало, впервые подумала: А что если остаться ещё на день? Мысль была простой. И потому опасной. Она могла купить новый билет. Позвонить в гостиницу. Сказать себе, что это просто исключение. Но тогда зачем правила? Муза вернулась в комнату. Алексей уже проснулся.

— Доброе утро.

— Доброе.

— Во сколько поезд?

Она посмотрела на него.

— В одиннадцать сорок.

Он кивнул.

— Тогда поехали вместе.

— Не обязательно.

— Я знаю.

Он снова не просил. И это раздражало. На вокзале было шумно. Люди толкались у табло, дети плакали, проводники проверяли билеты. Муза остановилась возле вагона. Алексей взял её чемодан и поставил на ступеньку.

— Ну вот, — сказал он.

— Вот.

Несколько секунд они стояли друг напротив друга. Муза чувствовала себя нелепо. По правилам всё происходило идеально. Сорок восемь часов почти закончились. Никаких обещаний. Никакого следующего города. Никакого продолжения. И всё-таки внутри было неприятно пусто. Алексей посмотрел на неё.

— Когда снова увидимся?

Вот он. Нужный вопрос. Муза будто ждала его с самого утра. Она могла ответить мягко. «Не знаю». «Посмотрим». «Я напишу». Любая из этих фраз оставляла дверь приоткрытой. Муза знала, что именно поэтому нельзя. Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Мы не увидимся.

Алексей не сразу понял.
— В смысле?
— В прямом.
— Я что-то сделал не так?
— Нет.
— Тогда почему?
М

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.